

Человек с Дворцовой набережной

Французское слово "Эрмитаж" все активнее утрачивает свое первоначальное значение — "место уединения", "приют отшельника" — не только в России, не говорящей по-французски, но и во всем мире. Первая ассоциация — крупнейший музей. Адрес — Дворцовая набережная, а с недавних пор и Дворцовая площадь. Имперский Зимний дворец с прилегающими зданиями музея и Эрмитажного театра, а в последние годы — еще и Главный штаб — это даже не музейный квартал, а небольшой город. Его лицо в глазах всей страны, да и зарубежья много лет воплощает один человек — директор. Неизменно приветливый, но при необходимости строгий и непреклонный, серьезный, но умеющий тонко пошутить, по горло занятой, но находящий время и терпение для разговора о своем беспокойном "хозяйстве" — Государственном Эрмитаже — и с назойливыми журналистами, и с миллионерами, которым умеет дать понять, как престижно для них самих поддерживать эрмитажные проекты, и с президентами, забывающими о собственном величии перед величием Эрмитажа, и с аудиторией массовой — посредством телевидения, где передача "Мой Эрмитаж" — среди самых рейтинговых. Безукоризненно воспитанный и блестяще эрудированный, рационально мыслящий и при этом рискованный, коренной петербуржец Михаил Пиотровский олицетворяет собой все или почти все, чем блистала российская культура, и своим примером объясняет, почему Северная Пальмира доброе столетие носила титул самой блистательной столицы Европы. Далеко не каждый из музеев мира, причисленных к грандам, может похвастаться сетью филиалов в знаковых городах Старого и Нового Света. Эрмитаж — может: у него есть собственные апартаменты в Сомерсет-Хаусе, в деловом центре Лондона, есть выставочный центр в Амстердаме, есть "Залы Эрмитажа" в Лас-Вегасе.

"Музей — это прежде всего коллекция", — не устает подчеркивать Пиотровский, но мало просто ее хранить — нужно сделать доступной зрителю. По части выставок с Эрмитажем трудно соперничать кому-либо: его собрание позволяет придумывать самые затейливые сюжеты ("Сны готики и Ренессанса", "Мадонна и рыцари"), привлекая в партнеры музеи всего света, и легко устраивать сразу по три десятка экспозиций "на выезде" — от европейских столиц до российской глубинки. Кстати, последняя ничуть не ущемлена, но уже осведомлена, что экспонаты из Эрмитажа придут лишь при соблюдении сотен условий — от полной сохранности при транспортировке и достойного приема до уважения к сопровождающим их хранителям. Требования, которые выдвигает Эрмитаж, для всех едины: так было, когда "Золотые огни Евразии" совершали мировое турне, не делая различий между Нью-Йорком и Уфой... "Прежде чем устроить выставки в Сибири, — как-то пошутил Пиотровский, — сотрудники местных музеев должны ответить на 300 — 400 вопросов по климату, безопасности и т.п." И уже всерьез подчеркнул, что в Эрмитаже не делают "передвижных выставок", а всякий раз специально выстраивают новый проект для каждого отдельного региона.

Однако главной задачей Эрмитажа, как и любого из российских музеев, Михаил Пиотровский видит "собрание и хранение" памятников культуры и искусства, и неважно, подчеркивает он, из каких источников — госбюджетных или частных — финансируются музейные проекты. Директор Эрмитажа умеет привлечь и российские, и зарубежные бизнес-структуры: вспомним хотя бы организацию выставки "Когда Россия говорила по-французски..." в честь 300-летия Петербурга в парижском Доме инвалидов, создание в стенах музея компьютерного центра — первого и самого мощного в России, или рекон-

М.Пиотровскому — 60

струкцию переданного Эрмитажу здания Главного штаба, где заново открыта церковь Св. Александра Невского и воссоздана арка со знаменитой бронзовой колесницей. Проект "Большой Эрмитаж" — комплекс программ, сегодня заботящий Пиотровского, — выводит музей на путь, где новаторство и традиции, популярное и элитарное органически сочетаются, и ставит в один ряд с крупнейшими мировыми сокровищницами — на равных с Британским музеем, Лувром или "Метрополитеном". Как и эти гиганты, Эрмитаж избрал политику открытости, превращаясь в центр не только историко-культурный, но и музыкальный, досуговый, образовательный, — неслучайно Клуб друзей Эрмитажа стал моделью для российских музеев, ныне тоже обрастающих меценатами и попечителями.

В эти дни на Дворцовой набережной снова праздник: каждый год в декабре отмечают памятную дату: ровно 240 лет назад первые эрмитажные шедевры у берлинского купца Гоцковского приобрела Екатерина Великая — основательница музея, чьи именины и празднуют по традиции 7 декабря как день рождения Эрмитажа. К ним на сей раз присоединилась еще одна круглая дата — 60-летие директора Эрмитажа. Правда, подчеркивают в музее, Пиотровский не намерен делать акцент на свой юбилей: для него всего важнее Эрмитаж. Свой выбор он сделал в начале 90-х — надо полагать, выбор непростой: в 40 лет защитивший докторскую диссертацию ученый-востоковед с блестящими перспективами, автор множества книг и научных работ, увлеченный археологией, ушел в совершенно иную сферу, когда его пригласили занять пост директора музея по научной работе. Но разве мог отказать в помощи фактически родному музею сын его прежнего директора, Бориса Пиотровского? С июля 1992 года Михаил Борисович занял директорское кресло, взяв на себя ношу нелегкую, но умудряясь справляться еще с "миллионом хлопот".

Президент Союза музеев России, президент Всемирного клуба петербуржцев, член-корреспондент Российской академии наук и Российской академии художеств, входящий во всевозможные советы и комитеты — от Совета по культуре при Президенте страны до экспертного совета по выставкам при Европейском Совете, он удостоен множества наград: ордена Почета России, ордена Почетного легиона, ордена Королевского дома Нассау. Но и на пресс-конференцию по поводу эрмитажных выставок, и на лекцию в Санкт-Петербургском университете, где является профессором, он выходит все так же просто — с доброжелательной улыбкой, в безупречном костюме, лишь "фирменным" черным шарфом оттеняя собственный стиль. Стиль Человека с Дворцовой набережной.

Елена ТИТАРЕНКО
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

Культура. — 2004 — 9-15 дек. — с.9